

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Генрих Альтов Третье тысячелетие

Отрывок из повести «Корона Д»

1

В свободном пространстве буря — это шестьдесят единиц по Канелю. Но в атмосфере Юпитера, с ее плотными нерегулярными полями, ниже шестидесяти не бывает. Мы вылетели из Северного порта на Ганимеде, когда по всем прогнозам обстановка в районе станции Юпитер-Корона Д была никак не меньше семидесяти. Существует множество ограничений на рейсы в таких условиях: а) экипаж должен состоять из пилотов первого класса, б) экипаж должен иметь по крайней мере двухгодичный опыт полетов в короне Юпитера, в) экипаж должен ежегодно проходить спецкурс на модельном полигоне, г) экипаж должен... я уж не помню всего, там длинный перечень «должен».

В моей пилотской книжке записан четвертый класс по анализу полей, это хоть что-то, а вот стереотехника и динамическая структура корабля — не выше шестого класса. С такой книжкой я мог быть в этом полете только пассажиром, зато уж в качестве пассажира я держался на высоте. Сразу после старта аналитик переглянулся с ДС-оператором, и корабль резко встрянуло. Это был проверочный комплекс Тенешева, я этот комплекс знал теоретически, а теперь получил возможность ознакомиться с ним на практике. Что ж, экипаж должен заранее иметь представление, на что способен пассажир в таком полете, а мозг корабля должен учесть в аварийной программе мою реакцию на внешние воздействия. Вообще этот полет состоял из сплошных «должен»: экипаж должен, пассажир должен, корабль должен...

ДС-оператор, девчонка лет двадцати, сочувственно поглядывала на меня, но это не помешало ей прокрутить весь этот чертов комплекс, и даже кое-что добавить.

— Немножко потрясло, — сказала она потом. — Пояс турбулентных течений. Теперь будет тише.

С моего места был виден пульт перед аналитиком, я следил за обстановкой на экране и уловил момент, когда корабль действительно ворвался в плотное турбулентное течение. Полагалось сбросить скорость и тихо-тихо выбираться, но выбираться было некуда, потому что мы шли на станцию Корона Д, а она постоянно дрейфовала в самом пекле.

Перед полетом я прикинул: почти час абсолютно свободного времени, подумаю, как действовать на Короне. Но все это время я следил за работой экипажа.

Я давно не видел такой виртуозной техники пилотирования. Аналитик просматривал поле на семь-восемь циклов вперед; с моим четвертым классом об этом и думать не приходилось. Мой предел — два цикла с точностью в семьдесят процентов. Стереотехник считывал данные прямо с экрана и задавал перестройку корабля без расчета на машине. ДС-оператор меняла структуру корабля, не теряя ни грамма массы. Для меня отличной оценкой была потеря одной десятой массы при перестройке в обычном стационарном поле. Я так и летал: перестройка, потеря массы, наращивание массы, новый расчет — и на всю процедуру уходит минут двадцать...

Перестраивая корабль, девчонка ДС-оператор создавала удивительно изящные и лаконичные обводы, хотя никакого значения для полета красота корабля не имела. Это был танец для себя, танец от избытка сил, таланта, радости. На нас обрушивались шквальные волны ледяной аммиачной пыли, вокруг бушевали штормовые магнитные поля, а корабль шел плавно, как в свободном пространстве.

Эти трое — аналитик, стереотехник и ДС-оператор — были подлинными мастерами, и все-таки их держали здесь, на внешних трассах. Ю-пилоты на базе Корона Д имели еще более высокую квалификацию. Все построено на отборе. Отбор, отбор и снова отбор... Сначала спецшкола, и чтобы попасть в нее, нужно преодолеть с десятков придирчивых комиссий. Потом высшее училище, не любое, а только на Ганимеде, со своим знаменитым модельным полигоном и инструкторами, всю жизнь летавшими у Юпитера. Из ста выпускников спецшколы в это училище проходят десять — двенадцать. А из ста принятых оканчивают курс семь — восемь. Затем учебный отряд — и снова отбор: в лучшем случае один экипаж из четырех попадает на коронные базы Юпитера. И тренировки, бесконечные тренировки — в спецшколе, в училище, в группе внешних трасс и потом, когда, наконец, становишься ю-пилотом. Экзотренажеры, модельные полигоны, специальный режим и куча психологов, врачей, инструкторов на каждого ю-пилота.

Предельный отбор и предельная специализация. Ю-пилот со специальностью аналитика имеет всего лишь третий или четвертый класс по стереотехнике и ДС-операциям, но в своей узкой области (Сводный каталог. часть 9, раздел К, № 227 — анализ нерегулярных полей в короне и атмосфере Юпитера) он вне классификации. Есть уровни, не поддающиеся количественной оценке. Попробуйте определить квалификацию Моцарта или Чехова...

Лет семьдесят — восемьдесят назад здесь летали обычные пилоты. Трудно понять, как им это удавалось. Анализ полей тогда только-только разрабатывался: путем громоздких вычислений можно было приближенно рассчитать простейшее периодическое поле. Стереотехники и ДС-операций просто не существовало. И все-таки летали! Собирали в пространстве металлическую коробку, набивали ее доотказа топливом, припасами, приборами — все до последней мелочи приходилось брать с собой, потому что корабль и пространство мыслились тогда независимыми друг от друга, никто еще не думал о возможности перестраивать корабли за счет вещества Диска. Да и самого Диска не было. Выдвигая проект Диска, Токарев и Виганд стремились облегчить полеты обычных по тем временам ракетных кораблей. В их проекте это выглядело так: Юпитер полностью распылен, в солнечной системе создано плоское пылегазовое облако — от орбиты Меркурия до орбиты Юпитера, — и в этом облаке летают корабли с прямоточными РД. Энергию кораблям дает атомный реактор, а вещество облака используется только в качестве рабочего тела разогревается и выбрасывается, создавая тягу.

Диск теперь почти построен, масса Юпитера вдвое меньше первоначальной, но Диск мало похож на однородное облако в проекте Токарева — Виганда. Вещество распределено в Диске неравномерно. Основная масса сосредоточена в узких транспортных каналах — по орбите Юпитера, по спиральям, идущим от этой орбиты к внутренним планетам. У Диска сложная и тонкая структура: транспортные каналы, скоростные трассы, радиальные течения, технологические сферы, зоны синтеза тяжелых элементов, местные поля у новых планет — Прометей, Дедала, Арахны. И корабли теперь иные. В сущности, кораблей в старом понимании этого слова вообще не осталось. На стандартную капсулу ДС-оператор наращивает конструкцию из вещества Диска: реактор, двигатель, корпус с жилыми и грузовыми отсеками, защитные экраны, — и потом все меняется и перестраивается в зависимости от режима полета и состояния внешних полей. Пылегазовый Диск дает неограниченные количества энергии и вещества, остальное зависит от искусства пилотов. Когда рейс закончен, конструкция распылается, и от корабля, длина которого нередко превышает сотню километров, остается маленькая стандартная капсула, готовая при необходимости снова стать кораблем. Мы летаем в Диске естественнее, чем птицы; никакая

птица не умеет наращивать крылья из воздуха.

Но когда-то здесь, в вихревой короне Юпитера, в ее бешеных полях, отчаянные парни ухитрились летать на простых металлических коробках...

2

Связь между Короной Д и Ганимедом поддерживалась только кораблями, однако о моем прилете каким-то образом были предупреждены заранее. В жилой зоне, у выхода из лифта, меня ждал Рой Дэвис. Он шагнул вперед, остановился, губы у него дрогнули, и я понял, что он знал о прибытии генерального организатора ЮНЕСКО, но даже не подозревал, что организатором окажусь я.

— Ил, — глухо произнес он. — Ил, прошло пять лет, целая вечность...

Мы обнялись.

Я получал отчеты о Рое дважды в год. Подробные отчеты с фильмами, звукозаписями и снимками. Но на мгновение я задохнулся от радости и нежности, потому что это был Рой, забияка Рой, великолепный Рой, лучший мой друг в далекие годы детства.

Мы были четверкой Уно Хедлунда: Рой, Синдзи, Лина и я. Самой первой четверкой, на которой Уно испытывал свою систему обучения. Мы были надеждой Уно Хедлунда и вызовом, который он бросил миру. Эпоха расцвета научных методов профессионального отбора, эпоха узкой и сверхузкой специализации — и вдруг появляется человек, который заявляет, что специализация вообще должна быть заменена подготовкой универсалов... На XI Международном конгрессе по профессиональной подготовке короткое сообщение Уно просто не привлекло внимания. Шесть лет спустя, на XIII конгрессе, Уно выступил снова, и тогда взял слово президент конгресса Морис Балм. Он сказал: возьмите любую специальность по Свободному каталогу, проверьте программу подготовки и попытайтесь найти в ней хотя бы один лишний час, а затем сложите все время по всем специальностям — их свыше шестисот тысяч — и посмотрите, что у вас получится. Можете уменьшить полученную сумму на двадцать или даже на тридцать процентов за счет разделов, общих для всех специальностей, сказал Морис Балм, можете учесть новейшие технические средства обучения, но не забудьте внести и другую поправку: сейчас мы ведем отбор, и поэтому каждый обучается тому, что он способен усвоить наилучшим образом в наикратчайший срок.

Морис Балм был тогда в зените своей славы. Выступление, конечно, транслировалось по космотексту; комментатор пошутил насчет уноверсалов, шутку подхватили журналисты, и проект Уно получил печальную известность. Впрочем, ненадолго. О нем быстро забыли, потому что началось переселение на Дедал, первое переселение на первую искусственную планету, созданную из распыленного вещества Юпитера. Прошло полгода, и Уно пригласили в ЮНЕСКО, в учреждение под странным названием «Комиссия семнадцатого переворота». Корректный и невозмутимый чиновник объявил Уно, что комиссия готова финансировать его проект. «За три тысячи лет, — сказал чиновник, — наука шестнадцать раз существенно изменяла свои фундаментальные представления. Геоцентрическая система мира была заменена гелиоцентрической, квантовая физика признала постулаты, немыслимые для классической физики. И так далее. Вполне возможен семнадцатый переворот, и наша цель состоит в поддержке проектов, находящихся в противоречии с современными научными взглядами, однако не лишенных внутренней логики и направленных на благо человечества. Проект подготовки универсалов удовлетворяет перечисленным требованиям. Это первый проект, который решила поддержать наша комиссия...» И Уно получил возможность построить школу на Гродосе, маленьком островке в Эгейском море.

Уно Хедлунду было двадцать восемь, когда он вместе с женой переселился на Гродос. Не знаю, как Уно удалось избежать соблазна сразу же пустить в ход свою систему. В те времена она должна была казаться ему простой и надежной. Уно открыл обычную школу с обычными учениками и обычной программой. Год за годом он испытывал отдельные

элементы своей системы, терпеливо экспериментировал с бесчисленными их вариантами, искал новые приемы и новые сочетания приемов — и все это осторожно, чтобы не помешать нормальной работе школы. Выпускники Гродоса шли в обычные училища океанологии и специализировались там по структуротехнике течений, флоро-фауновым композициям, управлению волновым режимом или еще какой-нибудь из семисот с лишним океанологических специальностей. Через девять лет Уно Хедлунд впервые решил испытать всю систему. Он закрыл школу и полгода перестраивал ее, потому что теперь в школе должны были заниматься только четыре ученика.

Эксперимент Уно нарушал сто шестую статью принятого незадолго до этого «Кодекса воспитания»: нельзя экспериментировать с методами обучения, если нет средств полностью устранить последствия возможной неудачи. Допустим, говорили противники Уно, опыт даст отрицательные результаты, через десять или двенадцать лет выяснится, что ваши ученики не стали универсалами, а готовить из них полноценных специалистов будет уже поздно; вы искалечите четыре жизни... И снова «Комиссия семнадцатого переворота» пришла на помощь Уно, хотя для этого пришлось выдержать бурную дискуссию. Была принята поправка к сто шестой статье. Уно разрешили провести эксперимент при условии, что родители его воспитанников детально ознакомятся с программой и подтвердят свое согласие. Мой отец кончил школу на Гродосе, у него не было ни малейших колебаний. Отец и мать Роя долго изучали программу, обсуждали ее с Уно, спорили по всем разделам... и остались на Гродосе преподавателями. Потом появился Синдзи Накаи, ему было семь лет, на два года больше, чем нам с Роем. Он убежал из школы в Марселе, а до этого убежал из шести других школ, и его родители были счастливы, что нашлась школа, в которую Синдзи пришел сам... Ну, а Лина была дочерью Уно Хедлунда.

Мои детские воспоминания связаны с Гродосом. Я помню жестокий ночной шторм, наверное, это самое раннее воспоминание. На потолке моей спальни вспыхивали синеватые отблески молнии, ветви акации тревожно стучали в оконное стекло. Я слышал странные скрипящие звуки, и мне казалось, что по острову рыщет злой великан... Утром я нашел на берегу разбитый купол мезоплана. Он лежал на песке, похожий на огромную медузу, и волны тихо шевелили его изорванные щупальца. Я привел Уно и Синдзи, они долго ходили вокруг мезоплана и заглядывали в разбитые иллюминаторы, а я сидел на камне и плакал. Уно сказал, что плакать не надо: в мезоплане нет людей, это грузовой автомат. Глотая слезы, я рассказал о ночном великане. Я хотел, чтобы Уно знал, кто убил эту большую красивую медузу. «Маленький язычник, — рассмеялся Уно, — я все вижу: ты здороваешься с морем, даешь имена облакам и деревьям, и даже развалины старого храма на Сизой горе ты считаешь живым существом...»

Разбитый мезоплан оставили на острове — на этом настоял Синдзи. Я смотрел, как Уно и Синдзи, надев силовые скафандры, тащат сиреневый купол вдоль берега. Синдзи долго выбирал подходящее место; в конце концов мезоплан установили на широкой песчаной косе в Заливе Черепах. Неподалеку Синдзи посадил три карликовые секвойи с Прометея. По утрам на вмятины корпуса заползали греться черепахи, в полдень они прятались от солнца под щупальцами мезоплана.

Дважды я приходил сюда по ночам — с подводным ружьем. Я надеялся подкараулить злого великана; мне казалось, он явится за своей добычей. Великан не пришел, и постепенно я забыл о ночном шторме.

На Гродосе был наш дом. Мы часто уезжали — в города, в тайгу, в джунгли, на подводные станции; мы изъездили всю планету и много раз были в космосе, но всегда возвращались на Гродос — к Сизой горе, к Заливу Черепах, к нашему лесу и нашему морю. И ничто не менялось на острове. Только в учебном корпусе появлялись новые тренажеры и перестраивались лаборатории.

Программа Уно Хедлунда была рассчитана на пятнадцать лет. За четыре года до окончания курса мы отправились на практику в космос, на станцию Юпитер-Корона Б. И вот тогда мы вернулись на Гродос втроем, потому что Рой Дэвис решил стать ю-пилотом и

остался на Короне.

3

— Провинция, Ил, у нас тут глухая и серая провинция. Кто мог подумать, что ты явишься в ранге генорга... До сих пор нас посещали самые заурядные комиссии. Что они могли нам сделать?.. А с твоими полномочиями можно свободно закрыть нашу лавочку. Или преобразовать ее в студию хорового пения. Слушай, Ил, хочешь мы устроим в твою честь торжественный парад? Или факельное шествие по внешней террасе...

Рой и в самом деле способен организовать что-нибудь в этом роде. Это в нем с детства, он все любил обращать в игру: задачи по физике, дифференциальное исчисление, схемы экологии, грамматические правила... Я осведомляюсь, какова протяженность внешней террасы. «Всего-навсего? Нет, никаких торжеств. На такой террасе не развернешься». Рой выразительно вздыхает, но это не значит, что опасность факельного шествия миновала. Так он вздыхал, когда назревала история с рейсами. Ему было тогда двенадцать лет, он сразу прославился. Это тоже была игра, Рою захотелось поиграть с Сизой горой. Он снял с моторки турбокомпрессор, перемонтировал его, запихал в ранец, а выхлоп подвел к лыжам. Получились лыжи на газовой подушке — адская штука даже по замыслу, и Уно Хедлунд сразу насторожился: мало ли что Роя выкинет с такой игрушкой. Но Рой откладывал испытания. Он вздыхал и хныкал: ничего, мол, не получается, мотор слишком тяжел и слаб, все надо менять... Мы перестали обращать внимание на возню в мастерской, а именно этого Рой и добивался. Он хотел показать эту штуку во всем блеске. Никто и не заметил, как он утащил ройсы на вершину Сизой горы. Однажды вечером мы услышали грохот, выскочили на террасу и увидели на склоне горы маленькую согнувшуюся фигурку и за ней огромный шлейф пыли. Это было похоже на слалом, снятый в ускоренном темпе. Из-под лыж били дым и пламя, потому что Рой для облегчения веса выбросил блок корректировки. Турбина захлебывалась от форсажа и дико ревела. Впоследствии на испытательном полигоне в Сахаре я услышал термин, который в сильно смягченном виде можно перевести как «ошпаренный тигр». На жаргоне испытателей это означало капризную, дикую машину, которую испытывают впервые и от которой можно ожидать любой пакости. Нынешние ройсы имеют автоматическую регулировку, амортизацию, реверс; езде на рейсах обучают; для гонок отводят специально проверенные трассы. У Роя был ошпаренный тигр. Шалый тигр, мчавшийся вниз по крутому склону. Рой перескакивал трещины, лавировал между валунами и кустарниками. У подножья горы он пролетел над высоким сараем, выскочил на берег, перепрыгнул через лежавшую у воды лодку и помчался по морю, поднимая за собой стену брызг и пара. Внезапно эта стена опала, Рой пронесся по инерции еще метров пятьдесят — и исчез среди волн. К берегу он добирался вплавь. Уно не ругал Роя, он только спросил насмешливо: «Ты что, не мог сделать приличного управления?» — и потом полдня лазал по горе, что-то измеряя и подсчитывая. Позже, когда Рой остался на Короне, Уно сказал мне: «Я опасался этого с тех пор, как Рой съехал с Сизой горы. Знаешь, Илья, у него исключительно быстрая реакция, втрое выше нормы. Он будет прекрасным пилотом...» Реакция у Роя была потрясающая, я с ним не раз дрался и знаю. Именно поэтому — вопреки всем правилам — Роя оставили на станции Корона Б, а потом послали на Ганимед, в училище. Можно сказать: хороший случай профотбора. Стопроцентное соответствие специальности. Но мне кажется, что Рой, став ю-пилотом, просто нашел подходящую игру — опасную, трудную, все время меняющуюся.

4

— Само собой разумеется, — сказал Рой, — для генерального организатора приготовлена роскошная резиденция.

Он посмотрел на меня, рассмеялся и махнул рукой:

— Ладно, Ил... Будешь жить у меня.

Жилая зона на Короне непривычно тесна. Узкие коридоры и через каждые тридцать — сорок метров аварийные отсеки. Маленькие лифты, маленькие холлы, маленькие комнаты. Ничего похожего на громадные экосферы — космические станции открытого пространства. На Меркурии-4 из конца в конец полчаса езды на спидвее, что километров шестьсот. Алиса, пожалуй, еще больше, на ней десятка два озер, горы, леса. В Диске сколько угодно вещества и энергии, размеры станции ограничены только устойчивостью защитных полей, а в открытом пространстве совсем нетрудно обеспечить устойчивость. Крохотная Корона Д опускается в плотную аммиачную атмосферу Юпитера, защитным полям приходится сдерживать колоссальное внешнее давление. Лаборатория «- 50», дрейфующая под земной корой, пожалуй, меньше Короны. Но там полный экологический ансамбль: стены закрыты растениями, вместо потолка видишь небо, по коридорам бегают мангусты и белки. На Короне иначе: узкие бронированные переходы, геометрия прямых линий и прямых углов, холодные и ровные краски — синяя, голубая, светло-зеленая... Корона похожа на боевую машину.

В сущности, Корону нельзя считать космической станцией. Это промежуточная база для полетов в глубь Юпитера. Сюда поступает информация с маяков и разведывательных зондов, отсюда стартуют корабли с гравитационными торпедами. Корона добывает вещество для Диска. Планетологи составляют задание на выброс, грависты снаряжают гравитационные торпеды, ю-пилоты доставляют торпеды в пусковую зону. И тогда происходит выброс; чудовищная сила гравитационного взрыва вспучивает волну раскаленной плазмы, тянет вверх кипящий огненный столб, магнитные каналы выводят лавину материи в открытое пространство, а Корона, прикрытая до отказа напряженными силовыми полями, переживает зип сверхураган, который начинается в атмосфере Юпитера после выброса.

У Роя две небольшие комнаты и еще одна, дверь в которую плотно закрыта. На двери — самодельный плакатик: череп, скрещенные кости и надпись: «Смертельно! И даже более того». Череп загадочно ухмыляется. «Очередная тайна?» — спрашиваю я мимоходом. «Очередная страшная тайна», — уточняет Рой.

Я примерно представляю, в чем она состоит, эта очередная страшная тайна.

Года три назад на Короне работала группа оптиков. Корабли тогда только-только пробивались к поверхности Юпитера, маяков не было, ориентироваться приходилось визуально. А какая может быть визуальная ориентировка, если внешний вид поверхности меняется в зависимости от температуры, давления, интенсивности излучения и множества других причин. На любом экране — инфра, видео, сканинге — мечутся беспорядочные пятна света, возникают и исчезают тени. Попробуй разглядеть за этим истинный рельеф, который, кстати сказать, тоже меняется, хотя и медленнее... Оптиками пытались создать аппаратуру, отсеивающую помехи. Возились они довольно долго, за это время удалось поставить маяки, и работа потеряла смысл. Оптиками улетели, а Рой взялся за решение обратной задачи — как получить меняющееся изображение неменяющегося предмета. Рой обожает такие задачи, бесполезно спрашивать: а зачем нужно видеть неменяющийся предмет меняющимся...

Четверки распадаются, вместо универсалов получают специалисты, но все-таки их тянет к работе за пределами своей специальности. И это не просто «хобби»: выбирают трудные проблемы и работу ведут серьезно. Уно называет это релаксацией.

Рой, как и все бывшие ученики Уно, регулярно посылал отчеты, в одном из них я обнаружил упоминание о первых экспериментах. А потом Рой стал темнить, в отчетах остались общие фразы; я понял, что дело у него идет на лад и надо ждать очередного сюрприза...

— Здесь и будешь жить, — говорит Рой. — Типовая келья ю-пилота первой половины двадцать второго века. Без излишеств.

На Гродосе Рой вечно тащил к себе всякую всячину. Чего стоила одна только коллекция старых морских якорей... Рой подвешивал якоря к потолку, он считал, что так

они лучше смотрятся. Еще бы! Попробуйте пройти по такой комнате, не глядя на якоря... А здесь пусто. Стандартная автоматика, стеллажи с книгами, стол, два кресла. И рисунок на стене. Черно-белый рисунок на большом, в полстены, листе бумаги. Грузные глыбы оплавленного базальта, поток лавы, дым, пепел, отблески огня на тяжелых, низких тучах. Это, конечно, Арахна, новая планета. Там по проекту Синдзи формируют рельеф. Там работает Ирма, она вулканолог в группе Южного материка. Современный конфликт: для Роя единственно возможное место — здесь, у Юпитера, а для Ирмы настоящая работа — только там, на Арахне. Ничего нельзя изменить: на Дельте не нужны вулканологи, а ю-пилоту нечего делать на Арахне. По статистике такие конфликты кончаются благополучно в одном случае из четырех.

Рой ставит на стол бокалы, достает из стенного шкафа бутылку тинга. Значит, сегодня Рой не летает. Режим тут жесткий: кофе и тинг только в нелетные дни. О вине и думать не приходится.

Двенадцать лет назад, когда Рой остался на Короне Б, наша четверка быстро распалась. Через полгода ушел Синдзи: его планетные пейзажи получили премию на конкурсе, надо было организовать детальную проработку рельефа, это стало специальностью Синдзи. Потом ушла Лина. Уно заметил, что ее тянет на биостанцию «Солнце-шесть»; там работал Дин Светлов, он только начинал свои знаменитые опыты, и Уно помог Лине устроиться туда лаборанткой. «Ну, а ты? - спросил меня Уно. — Ты ведь тоже выбрал специальность, признавайся...» Он смеялся, но глаза у него были грустные. Мы сидели на берегу, возле старого мезоплана, а вокруг нас возились черепахи. Я следил за маленькой желтой черепашкой, она уже давно пыталась подняться на купол, и ничего у нее не получалось. Она была слишком мала, чтобы перебраться через кромку купола. «Странный ты парень, — сказал Уно. — С тобой у меня больше хлопот, чем с другими. Прогнозируемость твоего поведения вдвое ниже нормы. Когда-то это называли загадочной славянской душой. Не представляю, что ты мог выбрать...» Я ответил: хочу делать то, что делает Уно. Наверное, сказал я, в программе нашей подготовки была ошибка, поэтому четверка распалась. Надо найти ошибку, перестроить программу и взять другую четверку. «А если распадется и другая четверка?» — спросил Уно. Меня удивил этот вопрос. Подумаешь, возьмем третью, легко ответил я, третью, четвертую, пятую и так далее. Уно усмехнулся: «И так далее...»

Я все-таки стал специалистом по подготовке универсалов. В Сводном каталоге эта специальность включена в раздел «Экспериментальные профессии» и отнесена к двадцатой категории по классификации Крёнига — с самым низким коэффициентом вероятности (количество специалистов на 1 января 2132 года — 2 человека). В комментариях (Дополнительный том каталога, глава 12, раздел 7) объяснено, что сама идея универсализации издавна привлекала внимание многих мыслителей, но практически невозможно подготовить универсала, способного владеть известными специальностями хотя бы на уровне третьего класса. Приведена статистика: на столько-то процентов ежегодно увеличивается число специальностей, на столько-то процентов в среднем увеличивается время на обучение, на столько-то процентов выросли за десять лет требования к третьему классу различных профессий... Впрочем, тут же изложена теория Уно Хедлунда — комментарии Сводного каталога всегда объективны.

Вот так. Специалист по подготовке универсалов. В самом этом словосочетании есть явное противоречие. И скрытая ирония: пока мы не подготовили ни одного универсала. За два-три года до окончания программы нарушается управление, ребят начинает интересовать что-то одно, у них появляются особые друзья в какой-нибудь лаборатории, возникает и крепнет интерес к одному виду деятельности... После первой четверки были еще две, которые вел Уно. Третью четверку мы вели вместе; мы многому научились, но эта четверка тоже не дотянула до финиша. Теперь у меня новая четверка, и критический период совсем близко.

Все это Рой прекрасно знает, в прошлом году он был на Гродосе. Жаль, мы тогда не встретились. А три года назад мы разминулись на Арахне: Рой улетел оттуда за два часа до

моего прибытия. За пять лет нам ни разу не удалось поговорить хотя бы по видеосвязи. Корона месяцами дрейфовала в нижней атмосфере Юпитера, и даже на Ганиমেде не знали, где она и что с ней. Название станции давно стало анахронизмом: старая Корона, первая станция этой серии, действительно летала только в короне Юпитера — опасно было опускаться станцию ниже. Нынешняя Корона спокойно ныряет под слой бета-облаков; на такой глубине и думать не приходится о связи.

Так вот и складывалось: Рой был на Короне, а когда он оттуда выбирался, я оказывался в лесах Прометея, на глубинных станциях Венеры или в какой-нибудь экосфере, затерянной в свободном пространстве.

— За Гродос, — Рой налил в бокалы зеленоватый тинг. — За нашего Уно.

5

Пять лет прошло, а что я могу рассказать Рою? Уно Хедлунд вывел свою последнюю четверку в среднем на уровень шестого класса. У группы, которую мы вели вдвоем, показатель был чуть лучше — пять и девять десятых. Новая четверка поднимется еще на две десятых. Может быть, даже на три. Ну и что? Я просто повторяю то, что сделал Уно, и не могу продвинуться дальше. Нужно что-то принципиально новое. Нужна какая-то новая идея.

Пока идеи нет. Пока ничего не получается. Спасительное слово — «пока». Оно подразумевает, что в дальнейшем обязательно получится.

Что ж, когда-нибудь получится, в этом я не сомневаюсь. Через сколько-то там лет у кого-то другого получится. Он поймет, дотянется, осилит... Почему он, а не я? Когда-то пытались строить первые самолеты, и ничего не получалось: не было подходящих двигателей, надо было ждать, пока они появятся. Это хоть не так обидно. А чего не хватает мне? Все есть, все условия для решения задачи имеются, я в этом убежден. Не хватает только одного: умения. Ума не хватает, той степени ума, той концентрации таланта, которые нужны для решения задачи.

Рой слушал и посмеивался:

— Если ты пришел к такому выводу, еще не все потеряно.

Потеряно, конечно, не все. Просто прошло пять лет. Мне было двадцать три, теперь двадцать восемь. Пять лет, в течение которых, если верить формулам науковедения, вероятность появления оригинальных идей максимальна. В следующие пять лет эта вероятность уменьшится на девять процентов. Только и всего.

— А как у тебя, Рой?

Вопрос, конечно, лишний. С Роем всегда все в порядке. Рой Девис — самый лучший пилот, самый знаменитый пилот. Он пилот века — никак не меньше. Шестьдесят процентов мальчишек от четырех до семи лет мечтают о том, чтобы стать такими, как Рой, играют в Роя, подражают Рою. О Рое написаны три сносных романа и множество рассказов. Геррит Верспуи прославился, сыграв Роя в фильме «Здесь, у Юпитера». Репортажи по космотексту, очерки в журналах и газетах, кристалл с записью «Рой Девис поет забытые космические песни»:

Рой поет, аккомпанируя себе на гитаре, прерывает пение и говорит о старых космонавтах, снова поет, иногда поясняя технические термины. Это и в самом деле здорово, отличный кристалл.

— Хочешь, раскрою тайну? — спросил Рой. Ему очень хотелось раскрыть тайну, я это видел и великодушно согласился:

— Ладно, раскрывай. Люблю страшные тайны.

Он вынул из кармана очки и протянул их мне. Что ж, подумал я, все идет в соответствии с теорией. Уно приятно будет узнать о релаксации Роя.

— Взгляни, — небрежно предложил Рой. Ничего особенного. Обычная оправа из металлопласта, обычные светло-фиолетовые стекла. Может быть, чуть более светлые, чем нужно для защитных очков.

Рой нетерпеливо произнес:

— Ну!

Я надел очки — и комната сразу преобразилась. В первое мгновение я даже не сообразил, что, собственно, произошло. Мне показалось, что все вокруг начало двигаться: качнулись стены, зашатался стол, поплыл куда-то отделившийся от стены рисунок... Нет, все было на месте, изменилась только окраска предметов. Точнее, не изменилась, а непрерывно менялась, причем у каждого предмета окраска менялась независимо, по каким-то своим законам. Белая стена превратилась в розовую, а потом в оранжевую; светло-коричневое кресло, стоящее у стены, неожиданно окрасилось в синий цвет, и я не успел присмотреться, как кресло из синего стало изумрудным. Потом оба цвета, оранжевый и изумрудный, словно по команде погасли, стена теперь была светло-желтой, а кресло — черным. Возник острый звук — как писк комара, только сильнее. С потолка полыхнуло алым светом, и все предметы в комнате — книги на стеллажах, стол, панели автоматики и сама комната, стены, двери, пол — все окружающее загорелось ослепительно яркими красками, слилось в пеструю мозаику и бешено закружилось. Писк комара превратился в нестерпимо сильный свист...

Я сорвал очки.

— Как впечатление? — спросил Рой. Он просто изнывал от нетерпения.

— Смертельное. И даже более того. Голова кружится, свист какой-то...

— Привыкнешь, голова не будет кружиться. Света здесь многовато, поэтому пестрота и свист. А так — роскошная штука, если, конечно, хорошенько настроить. Не хуже калейдоскопа.

— Пленки Шилдса?

— Они. Но испорченные, сверхнестабильные. Я три года искал, как уменьшить их стабильность. Теперь цвет плывет даже от теплового движения молекул. Просто и гениально.

После Шилдса два поколения оптиков боролись с нестабильностью полихромных пленок; Рой пошел в обратном направлении — и получил занятную игрушку. Она наверняка станет популярной. Если бы Рой придумал очки без стекол, это тоже вошло бы в моду...

Полгода назад он появился на экране космотекса в синем тренировочном костюме, просто не успел переодеться. В тот же вечер стихийно возникла новая мода. Сначала мальчишки, потом Геррит Верспуи, потом студенты — и тогда уже все. Даже дипломаты на официальных приемах. Был изрядный переполох в фэшнстудиях на всех планетах: впервые за полвека полетел к чертям прогноз смены мод, составленный художниками, психологами, врачами, модельерами, социологами...

Фэшнстудии, впрочем, быстро сориентировались и создали стиль «пилот». Учение о стилях возникло лет за десять до этого, оно со всей очевидностью вытекало из возможности в каких-то пределах управлять формированием внешности человека. Пределы эти до сих пор довольно ограничены: на генетическом уровне удастся задавать рост, тип сложения, некоторые лицевые параметры, цвет волос. Генетика плюс биохимическое воздействие в первые месяцы жизни. Были опасения, что создание стилей приведет к обеднению человеческой красоты, хотя институт Ежи Полачека математически доказал, что обеднение вызывается как раз-таки стихийным смешением стилей в некий средний облик. Збарский и Делезаль дали программы первой серии стилей; теоретически все обстояло прекрасно, но на практике дело не двигалось, нужен был какой-то толчок. Тут и сработала популярность Роя. Пражская фэшнстудия предложила стиль «пилот»: рост чуть выше среднего, худощав (ноль-девять нормы), активизированная нервная система (отсюда — подвижность, быстрота реакции, холерический темперамент), половина главных лицевых параметров по Рою Дэвису (две тысячи вариантов на основе теории опознавания), глаза светлые (голубые, светлосерые, серые), волосы мягкие, темно-коричневые (тридцать тонов на выбор)...

Рой надел очки и внимательно оглядел меня.

— Зеленый, — с удовлетворением констатировал он. — Чистый такой огуречный цвет.

Между прочим, тебе это идет. Зеленая физиономия, красные глаза, ярко-желтые волосы. Скромно и элегантно... А теперь ты бирюзовый. Впечатляющее зрелище: бирюзовый генеральный организатор в мерцающем желтом ореоле... Бери на память. В трудные минуты будешь разглядывать себя в зеркале.

Странно, конечно, что у меня полномочия генерального организатора. Я планировал практику без особой уверенности: экспериментаторы по два-три года ждут своей очереди, чтобы попасть на Корону. Но мне тотчас ответили согласием и — это было совсем уже неожиданно — прислали на три месяца права генерального организатора. Три месяца я могу распоряжаться на Короне так, словно станция специально создана для моих экспериментов.

Встретились мы хорошо. Рой искренне рад встрече, я это чувствую. Но мы еще не говорили о цели моего прилета. Мои полномочия ровным счетом ничего не стоят, потому что я не могу приказывать Рою, это было бы просто смешно. Глупое положение. Срок полномочий — три месяца, но именно эти три месяца шеф-пилот Рой Дэвис замещает главного организатора базы Корона Д.

— Для полного счастья, — сказал Рой, — тебе не хватает только одного. Ты должен посмотреть Юпитер.

Для полного счастья мне не хватало многого. Но я не стал возражать.

6

Лифт поднял нас на внешнюю террасу. Это был обычный бронированный коридор, может быть, чуть более широкий, со сплошными, без иллюминаторов, стенами. Пройдя метров сто по террасе, мы очутились у трапа, ведущего к наблюдательной площадке — крохотной полусфере из прозрачного модекса. По крутому и узкому трапу мы взобрались на площадку, и я впервые увидел поверхность Юпитера.

Впечатление было такое, словно я заглянул в глубокий-глубокий колодец. Внизу, на непомерной глубине, светилось желтое огненное дно. Ржавые отблески огня отражались на нижней части стенок колодца, тянулись по стенкам вверх и бессильно таяли в темноте. Временами свет быстро тускнел, дно колодца сжималось, стремительно проваливаясь в бездну. Казалось, сейчас наступит полный мрак, но вспыхивали багровые пятна, огненный круг поднимался, увеличивался, накалялся до белизны, высвечивая багровые стены колодца.

Конечно, вся поверхность была такой же светлой, как дно колодца, и даже еще светлее, еще ярче. Плотная атмосфера поглощала и преломляла идущий снизу свет, создавая иллюзию гигантского колодца.

Никаких деталей на поверхности я не видел, да и не мог увидеть. Внизу был водород, океан жидкого водорода, спрессованный давлением в двести тысяч атмосфер. И только по нервному ритму, подчиняясь которому пульсировал свет, можно было представить, какие силы действуют там, в этом раскаленном океане, где малейшие перепады температуры и давления вызывают мгновенные перемещения огромных масс материи.

А сверху было такое же странное небо — опрокинутый вверх узкий колодец с непроницаемо черными стенками и маленьким, очень далеким, голубым дном. На дне небесного колодца вспыхивали и гасли бесчисленные искры, там была нижняя поверхность насыщенного молниями облачного бета-слоя.

Это небо я видел двенадцать лет назад, но тогда бета-облака находились внизу, под нами. Станция плавала в короне Юпитера, и корабли лишь на короткое время отваживались спускаться вниз, к бета-слою. Не было ю-пилота, который не мечтал бы пробить бету, пройти семьсот километров сквозь молнии, ливнепады и вихревые восходящие потоки. Мне эти облака представлялись тогда взбесившейся машиной, ни на секунду не прекращавшей своей бессмысленной лихорадочной работы: миллионами ниагар падала в них вода, летела сотни километров, дробилась, превращаясь в пыль, в пар, и снова рвалась вверх бешено крутящимися потоками, электризуя встречные струи воды и вызывая искровые разряды, пронизывающие каждый кубический сантиметр облаков... Четыре года назад Рой впервые

прошел сквозь бета-слой, потом это стало обыденным делом, и вот сейчас Корона Д спокойно идет под бета-облаками. А бой с Юпитером продолжается. Внизу, на дне колодца, лежит слой раскаленного жидкого водорода, десять тысяч километров, под которыми тот же водород, только твердый, металлический. Проще простого нырнуть в этот океан, но вот вынырнуть из его глубин удастся далеко не всегда...

— Смогут твои ребята здесь поработать? — неожиданно спросил Рой.

Он, конечно, догадывался, зачем я прилетел на станцию. Не было смысла играть в прятки.

— Смогут, — ответил я, хотя особой уверенности у меня не было. Потренируются и смогут.

— Светлая мысль, — усмехнулся Рой. — Вот только тренажеров у нас нет. Тут ни один тренажер не выдерживает.

— Надо летать, это и будет тренировкой.

Глупая получалась карусель, я это понимал: чтобы начать летать, нужно тренироваться, а чтобы тренироваться, нужно начать летать...

— У Юны, — сказал я, — второй класс по анализу полей. В Диске и в свободном пространстве. У остальных ребят третий.

Довод сомнительный, но другого у меня не было.

— Так то в Диске и в СП, — возразил Рой. — Когда я начинал, у меня тоже был второй класс. По пилотированию в Диске и в СП. Здесь это считается примерно седьмым классом, здесь иные условия.

— Тебе было шестнадцать, — ответил я. — А Юна получила второй класс в тринадцать лет. Годика через два она будет летать лучше тебя.

— Нахал ты, Илья. Лучше меня летать невозможно. Где она училась?

— У Хинне Зийлстра.

Это произвело впечатление: Зийлстра был когда-то первым инструктором Роя.

— Хм... А где она сейчас?

— В агентстве Лепаж.

Рой присвистнул.

— Зачем? Что она там делает?

— Не знаю. В прошлом году занималась в учебном центре. А два месяца назад позвонил Латавец и попросил, чтобы Юна поработала у них.

— И ты согласился?

— Да.

— Рискованно.

— Еще бы... Но отказать я не мог: агентство Лепаж всегда нам помогало, у меня не было никаких оснований для отказа.

— Латавец что-то затевает, это точно, — задумчиво сказал Рой. — Он присылал сюда своих энергетиков, они изучали у нас технику свернутых полей. Как ты думаешь, зачем агентству Лепаж понадобились свернутые поля?

А черт его знает, подумал я, разве можно угадать, что они там задумали... Предмет, помещенный в свернутое силовое поле, становится невидимым, лучи его обтекают. Чтобы свернуть поле, нужно колоссальное количество энергии, поэтому закрытые конструкции создают иначе — из отдельных плоских полей. Конечно, при этом нельзя получить невидимость, но кому она нужна? Свернутые поля используют, если нет никаких других средств защиты от излучения: при запуске солнечных зондов, при глубинной разведке Юпитера.

— Знаешь, Ил, у меня сложилось впечатление, что они собираются упрятать в свернутое поле корабельную капсулу. Прямо они ничего не говорили, но я почувствовал, куда они гнут...

— Спрятать капсулу невозможно. Максимальный диаметр свернутого поля полтора-два метра.

— И все-таки их интересовала навигация в свернутых полях. Факт.

Мы помолчали, потом Рой сказал:

— Видишь, внизу, у самого центра, проступает зернистая структура. Не очень ясно, но все-таки проступает. Верная примета, что зип скоро пойдет на убыль. А внизу, в океане, еще неспокойно. Значит, выброс невозможен, и месяца два будут только тренировочные полеты. Тащи своих ребят...

Я пытался разглядеть зерна на дне колодца и не видел их. Но чем дольше я всматривался, тем сильнее ощущалась глубина: я почти физически чувствовал то огромное напряжение, с которым свет пробивался сюда, наверх. В сущности, я видел не поверхность Юпитера, а только атмосферу — сжатый и раскаленный водяной пар. Слова «земля» и «небо» вообще теряли здесь определенность. Где «земля» этой планеты? На поверхности водородного океана? Под океаном, на дне? Или еще глубже, под слоем металлического водорода? А «небо»? Что здесь считать небом? Над бета-слоем мощная аммиачная атмосфера, над ней лежит еще один слой облаков, аммиачные альфа-облака, а над альфа-облаками простирается атмосфера из метана, водорода, гелия, постепенно переходящая в корону Юпитера, и только там, за короной, небо, настоящее звездное небо...

Трудно здесь будет летать, подумал я. Очень трудно.

Архив Лиги

1

Рой помог разработать программу практики, поэтому я вылетел за ребятами раньше, чем предполагал. На Ганимеде, в Северном порту, я отыскал координатора Ласло Тардоша, передал ему записку Роя и через два часа оказался на борту грузохода, идущего порожняком на Землю. В зоне Юпитера записка Роя действовала надежнее моих временных полномочий генорга.

Я сидел у иллюминатора, ожидая, когда уберут защитные шторы, и смотрел, как работают пилоты. Это были уже немолодые люди, одного из них, ДС-оператора, я хорошо помнил по снимкам в учебнике истории: он прославился при спасении трансплутоновой экспедиции. Вероятно, в то время он и его товарищи были пилотами очень высокого класса. Да и теперь они, конечно, имели по крайней мере второй класс. На Короне мне показали ленты, снятые при полетах с гравитационными торпедами, и сейчас я невольно сравнивал технику ю-пилотов с работой экипажа грузохода.

Грузоход летел сквозным рейсом — сначала в свободном пространстве, потом по скоростной трассе в Диске и снова в свободном пространстве. Старт с Ганимеда прошел блестяще, я не сразу уловил разницу в стиле пилотирования. А она была, эта разница, потом я ее подметил. Экипаж грузохода прекрасно работал на старом оборудовании, хорошо справлялся с аппаратурой, появившейся лет пять назад, и почти не использовал несколько приборов, созданных в самое последнее время. ДС-оператор держал новехонький двадцатиканальный блок анализатора активности в режиме отброса свободных радикалов. Я бы на его месте тоже постарался избавиться от свободных радикалов в веществе, идущем на постройку отсеков. Во всех учебниках написано, что свободные радикалы снижают устойчивость конструкций, наставления по ДС-операциям точно регламентируют допустимое содержание свободных радикалов. Но на Короне ю-пилоты специально накапливали свободные радикалы во внешних стенках корабля, прямо в стенках вели головокружительные химические реакции — и стенки оживали, приобретая способность к самовосстановлению... А тут ДС-оператор, как положено, отбрасывал радикалы — стенки получались словно литые. Конечно, в них постепенно возникали местные напряжения, и стереотехник, как положено, время от времени вносил поправки, используя обычный корректор. Корабль шел как по ниточке, игра с радикалами была вроде бы и ни к чему... Но

из обычных методов корректировки давно выжато все возможное, а химия стенок, химия свободных радикалов в стенках — нечто совершенно новое. Быть может, путь к саморегулирующимся кораблям. Завтра появятся приборы, специально рассчитанные на какие-то тонкие эффекты при реакциях со свободными радикалами. Что будут делать с этими приборами пилоты, которые сегодня просто отбрасывают радикалы?.. Кого-то переведут на менее сложные рейсы, кто-то пойдет переучиваться, кое-кто вообще уйдет из летного состава. Прогресс безжалостен. Отстанешь на шаг — и это необратимо: разрыв будет все время увеличиваться. Чуть раньше или чуть позже, но обязательно отстанешь... И уже не будет настоящей жизни. Первое дело — как первая любовь: навсегда остается тоска по тому, что ты когда-то мог делать, а теперь только видишь со стороны.

Я вспомнил, какие глаза были у Ласко Гардоша, координатора Северного порта, когда он расспрашивал меня о Короне. Раньше Гардош был ю-пилотом...

Может быть, я тоже понемногу отстаю? Уно недавно упрекал меня в пренебрежении к новой технике обучения. И ведь факт: гипнопрессинг, биохимическое воздействие, ритмопедия, словом, все то, что в нашем деле эквивалентно новым приборам на корабле, не вызывает у меня особого энтузиазма. Когда я не захотел применять романы-учебники, у нас с Уно произошел крепкий спор. В общем, эти романы-учебники неплохая штука. Среди них попадаются отличные вещи. Ребята захлеб читали серию, в которой космические пришельцы вступают в контакт с жителями Древнего Вавилона и пытаются научить их основам ДС-операций. Особенно удачна третья часть серии — строительство вавилонской башни. По замыслу пришельцев башня должна была стать чем-то вроде учебного полигона: собрали, разобрали, снова собрали, снова разобрали... А для вавилонян первое же «разобрали» оказалось сильнейшим потрясением: они жили в мире постоянных сооружений, камень был символом тысячелетий. И хотя пришельцы тут же восстановили башню, никто уже не верил, что это настоящая башня и настоящий камень...

Уно, как всегда, был прав: нет смысла отказываться от романов-учебников. Но меня не покидает ощущение, что все это так, где-то на обочине. Третьестепенные детали. Причина наших неудач намного серьезнее. Мы допустили какую-то принципиальную ошибку. Если бы знать, в чем она, эта ошибка. Я все время думаю о постулатах Уно, ворошу в памяти, программы, факты, наблюдения, пытаюсь найти хоть малейшую зацепку — и ничего не нахожу. Ровным счетом ничего.

Стереотехник убрал шторы всех иллюминаторов и выключил свет в кабине. Над нами возник купол небосвода — черный и пустой по сравнению с гигантским скоплением огней лежащего внизу Диска. Мы шли над зоной синтеза тяжелых элементов. Мощные транспортные течения несли сюда из глубин Диска водород, поддерживая накал в бесчисленных сгустках плазмы.

Казалось, здесь собраны все звезды Вселенной. В центре зоны мириады ослепительно ярких огней сливались в сплошной огненный шар, от которого тянулись загнутые спиралью муаровые потоки — оранжевые, желтые, желто-зеленые. Огненные потоки сталкивались, сплетались, смешивались, образуя уходящие вдаль добела раскаленные звездные реки.

Лет пятнадцать назад я проходил практику примерно в такой же зоне. С бригадой наладчиков я носился от одного конца зоны в другой, стараясь предотвратить взрывы плохо отрегулированных плазмосфер. Это не всегда удавалось. Переждав взрыв, мы собирали рассеянное в пространстве вещество, снова зажигали плазму и терпеливо налаживали режим. За два месяца я ни разу не спал больше трех часов подряд, но зато получил второй класс по наладке плазмосфер и был назначен бригадиром. Зона к этому времени превратилась в сущий ад, взрывы учащались с каждым днем, и моя бригада, два десятка здоровых парней, отчаянно металась по аварийным каналам с участка на участок... В конце концов эта героическая суматоха перестала мне нравиться. Я забрался в дальний защитный отсек, хорошенько выпался, а потом, обдумав все на свежую голову, пришел к выводу, что кто-то специально нарушает регулировку. Я стал закрывать автоматы своим личным кодом, и через неделю во всей зоне царили тишина и порядок.

Позже я узнал, что это принцип форсажа — один из основных в системе Уно Хедлунда: ускоренное обучение должно идти в условиях постоянной аварийной обстановки. Оппоненты Уно высказывали всевозможные опасения, была назначена проверка, и половина моей бригады состояла из наблюдавших за мной психологов и врачей... Все кончилось благополучно, Уно оставили в покое.

Грузоход прошел зону синтеза, но ее огни еще долго отражались на плоскостях корабельных антенн. Постепенно глаза привыкли к темноте, и небо наполнилось звездами.

Я могу часами смотреть на небо и на море. Вот только часов этих становится все меньше и меньше. Чем лучше я подготавливаю ребят, тем труднее ими руководить. Они безжалостны ко мне, как когда-то наша четверка была безжалостна к Уно. Учитель должен все знать, учитель должен все уметь, учитель всегда должен быть впереди. Иначе какой он учитель?

Ребята пройдут практику на Короне и научатся летать лучше меня. Они и сейчас летают лучше меня, но еще не замечают этого, не понимают. К концу практики поймут. Рой не вернулся на Гродос, как раз потому, что Уно Хедлунд не мог научить его летать так, как летали ю-пилоты.

Там, в зоне синтеза, я поступил правильно: отключился от суеты, спокойно подумал и нашел решение. Сейчас труднее отключиться, у меня ворох неотложных вопросов. Как, например, научиться летать лучше, чем летают ю-пилоты?..

2

Катер сбавил скорость и аккуратно прижался к пирсу. На деревянных досках, выщербленных солнцем и солью, лежали мокрые желтые листья — на Гродосе была осень. Я соскочил на пирс, и катер сразу заурчал. Я смотрел, как он отходит, четко разворачивается и набирает скорость. Раньше на этих катерах не было автоматики. Три месяца назад, когда я уезжал с Гродоса, катер вел рыжий мальчишка из интерната в Польдии.

Берег был пуст. Сюда, на полузаброшенный пирс у восточного, обрывистого склона Сизой горы, редко кто приходил. Некому было сюда приходить: в прошлом году на Гродосе жили двадцать человек, теперь осталось двенадцать, да и те не всегда бывают на острове. Когда-то на этот берег приезжали школьники и студенты из Польдии, жгли костры, пели песни. В море, теперь таком пустынном, постоянно сновали лодки, яхты, катера...

Пустынно становится на Земле. Производство почти полностью перешло в космос, там же размещены основные научные и учебные центры. Каждый год в Диске возникают сотни новых экосфер. В жилых экосферах все, как на Земле, — леса, степи, горы, моря, реки, озера, — и все это спроектировано лучшими экологами, архитекторами, художниками, психологами. В экосферах есть и такое, чего на Земле никогда не встретишь. Причудливая смена времен года, искусно устроенные оптические эффекты в атмосфере, немыслимые в земных условиях пейзажи, растения и животные. На Алисе три весны — и все разные, на Росинке жаркое снежное лето, как в горах, и две удивительно поэтичные осени. На Зарине по янтарному небу плывут мерцающие пурпурные облака. Страна водопадов на Лазури, поющие леса на Ньюте, ласковые пушистые рыбки в кочующих озерах Релии...

Тропинка, по которой я поднимался к дому, густо заросла травой, теперь уже желтой и коричневой. Я выбрал это место для своего дома, чтобы быть подальше от школы: там постоянно что-то перестраивалось, на грузовую площадку опускались реопланы, что-то привозили, что-то увозили, и в учебных корпусах допоздна шумели монтажники. В последние годы суеты стало меньше и можно было вернуться в школьный городок, но я уже привык к своему дому.

Дверь была приоткрыта, ветер раскачивал ее. На крыльце сидел серый котенок, он привстал и настороженно посмотрел на меня. Я тоже настороженно посмотрел на него. Когда-то Лина увлекалась биотрансформацией и ставила опыты в духе Шилдса; с той поры на острове попадались странные животные. Лучше всего у Лины получались кошки с

собачим поведением. Лина утверждала, что вообще это собаки, но в облике кошек.

— Привет, старина, — сказал я. — Надеюсь, ты не собака и не рысь.

Котенок не тьякал и не махал хвостом. Возможно, это был самый обыкновенный котенок.

Наступили сумерки, в комнатах было полутемно. Я увидел на стене вазу с гладиолусами и груды книг, пакетов, конвертов. Не зажигая света, я прошел на террасу. Следом за мной на террасу проскользнул котенок. Он сел поодаль и стал задумчиво меня разглядывать. Далеко в море, у темной полосы горизонта был виден красный огонек — катер возвращался в Польшу.

Пустынно становится на Земле. В огромном зале космопорта на мысе Матапан было человек десять, не больше. В вагоне спидвея, идущем на Польшу, — два человека... После экосфер Земля кажется какой-то неустроенной, неорганизованной. В экосферах не встретишь неказистую и скособочную Сизую гору, выжженный солнцем каменистый берег Гродоса, полуразрушенный пирс и полосу пыльных блеклых кустарников. И все-таки меня тянет на Землю, на Гродос. Наверное, потому, что еще в детстве я привык лежать на шершавых досках восточного пирса и смотреть на море, сливающееся с небом, или разглядывать сквозь щели между досками пляшущие на воде солнечные узоры. Поколение, выросшее в экосферах, относится к Земле иначе. Как к большому историческому музею. Вот здесь была столица древнего царства, а тут произошло знаменитое сражение, а там, в этой маленькой комнатке Фудзио Тада впервые получил силовое поле, и оно выбило стекло вот в этом окне...

Пискнул котенок.

— Не унывай, старик, — сказал я ему. — Через восемь дней я улечу, ты снова останешься хозяином.

3

По грузовой площадке, ярко освещенной прожекторами, двигался старенький спрут: подбирал щупальцами разбросанные по площадке контейнеры и складывал их на транспортную тележку. В кабине спрута сидел Уно. Я остановился поодаль, в темноте; интересно было смотреть, как работает спрут. Уно привез это чудовище, когда школу только начинали строить. С тех пор на Гродосе сменилось множество универсальных рабочих машин: все время выпускались новые, более совершенные модели. Но спрут оставался, и, как только появлялась возможность поработать, Уно выводил его из гаража.

— Уно! — крикнул я.

Он остановил спрута — контейнер повис в вытянутых щупальцах — и приоткрыл дверь кабины. Похоже, он был смущен.

— Здравствуйте, Уно.

— А, появился, — сказал он, всматриваясь в темноту. — Здравствуй... Видишь, работаю за тебя: это твой заказ, оборудование для физической лаборатории.

По узкой лесенке я взобрался в кабину. Там было тепло и пахло маслом. Уно набрал целую коллекцию старых машин: спрут, два орнитоптера, лодку с настоящим двигателем внутреннего сгорания, силовые скафандры на гидроусилителях, электромобиль, токарный станок... Все они пахнут маслом. Формально это экспонаты по истории техники, но для Уно они живые вещи, пожалуй, даже живые существа. Шумные, теплые, немного капризные...

— Садись, — сказал Уно. — Вот заброшу этот ящик, поговорим.

Он забросил этот ящик и еще один («Лежит на самой дороге...»), а потом еще один («Заодно уж прихватим...»). Хорошо это у него получалось: рычаги управления оказывались там, куда он, не глядя, опускал руку; педали поджимались ровно настолько, насколько нужно; при этом Уно успевал еще переключать какие-то тумблеры, подкручивать какие-то маховички и следить за цветными огнями на пульте. Один раз спрут недовольно заурчал; видимо, контейнер был слишком тяжел или щупальца схватили его неудачно. Уно удивленно

пробормотал; «Ну, малыш...» — и спрут рывком поднял огромный серебристый ящик. Уно шепнул что-то одобрительно, рассмеялся...

— Хорошая машина, — сказал я.

— Старее, — отозвался Уно. — Приятно на ней работать, но старее, ничего не поделаешь. Каумет на щупальцах изнашивается, а заменить нечем. Не выпускают каумета.

Нынешние машины не стареют, но привязаться к ним, полюбить их невозможно. Они есть и их нет. Можно любить космические корабли вообще и невозможно любить конкретный корабль; его нет, он возникает только на время работы, а потом его распыляют. Что же любить — стандартную капсулу или программу развертки корабля, заложенную в памяти ЭВМ?.. Стереотехника и ДС-операции постепенно проникают всюду: вещи исчезают — их заменяют динамичные структуры. Современный погрузчик можно мгновенно превратить в груды фепора, ферромагнитного порошка, а потом сделать из фепора новый погрузчик или любую другую машину. Машина оказывается только временной формой, а к порошку и электромагнитному полю трудно привязаться, их трудно полюбить... Спрут другое дело. Он не меняется, его надо смазывать, мыть, он пахнет маслом, а при работе забавно урчит. Я-то еще понимаю, что к спруту можно привязаться, как, скажем, к восточному пирсу или Гродосу. Но поколение, растущее в экосферах, вряд ли это поймет: в большинстве экосфер запрограммировано даже изменение рельефа...

Спрут осторожно поставил ящик, щупальца опустили, машина отодвинулась от тележки и замерла.

— Посидим немного, — предложил Уно. — Когда ты приехал?

— Час назад.

— Я ждал тебя завтра.

— Скоростная трасса, и грузоход шел порожняком.

— Вот как... А перегрузки?

— Есть немного. При маневрировании. В капсуле свое гравиполе.

— Все-таки тебе надо отдохнуть.

Я видел: Уно хочет что-то сказать — и не решается, а это на него не похоже. Я говорил с ним сутки назад, перед отлетом с Ганимеда. Что же могло произойти за это время?

— Насчет Юны... ничего нового?

— Нет... Волнуешься? Когда ты проходил практику у Тадеуша, я тоже волновался.

В стекло ударили крупные дождевые капли. Защитный слой стекла отталкивал их, они скатывались вниз, как шарики ртути. Уно прикрыл дверцу.

— Осень... Всю неделю шли дожди. Затопило дорогу к южному маяку.

— Каумет можно достать, — сказал я. — Сколько угодно. В старых вагонах спидвея силовые элементы аварийной амортизации сделаны из каумета. Амортизацией никогда не пользовались, каумет там целехонький.

— Амортизация? — переспросил Уно, — Да, конечно, конечно... Толковая мысль, спасибо.

— Я могу съездить в Польдию. Хоть завтра.

— В Польдию? Нет, Илья, съездить надо не в Польдию, а в Кунгур, к Хансу Улли. Завтра же. Он прислал приглашение.

Вот оно что, подумал я. Ханс Улли руководит ЦСП, Центром социального планирования, а если ЦСП заинтересовался нашим экспериментом, значит, назревают большие события.

— До сих пор ЦСП нас не замечал.

— Не совсем. Год назад они попросили материалы, я отправил. Не надейся, что разговор будет на поверхности. Улли не такой человек.

Позицию Улли я примерно представлял. В последнем ежегоднике ЦСП была его статья, там затрагивалась и проблема гиперспециализации. Наша цивилизация, писал Улли, основана на специализации, именно это обеспечило ее быстрое историческое развитие. «Специализация была ключом к решению очень многих проблем, и мы открывали этим

ключом дверь за дверью и шли вперед, не заботясь о том, что где-то позади нас двери захлопывались...» Социологи вообще относятся к нам, как к изобретателям вечного двигателя: хорошо бы иметь такой двигатель, но, увы, принципиально невозможно. Специализация — самый древний и самый основной закон общества, а социальные законы ничуть не слабее физических.

— Когда мы выезжаем?

— Ты поедешь один, Илья.

— Почему?

— С завтрашнего дня ты — руководитель школы. Я буду жить на Алтае, у Лины.

Если бы Уно объявил, что завтра Сизую гору переправят куда-нибудь на Марс, я удивился бы меньше. Невозможно было представить Гродос без Уно и Уно без Гродоса.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто так будет лучше.

Я смотрел на Уно и ничего не понимал. Почему будет лучше? Кому будет лучше? Я видел, что Уно, как всегда, спокоен — и это было дико. Как в нелепом сне, когда хочешь проснуться, отчаянно стараешься проснуться — и не можешь.

— Должны быть причины, — упрямо повторял я. — Должны же быть причины...

— Причины... Мы топчемся на месте, ты сам знаешь. Нужно что-то новое.

— Мы все время ищем новое. Почему нельзя работать вдвоем? Почему вам надо уезжать с Гродоса?

— Ты подумаешь и сам все поймешь.

— Что-нибудь не так? Вы недовольны мной?

Он посмотрел на меня и отрицательно качнул головой:

— Нет, напротив. Я даже собой доволен. Помнишь, были когда-то многоступенчатые ракеты: первая ступень разгоняла ракету, а потом, израсходовав горючее, отделялась, и тогда начинала работать следующая ступень... Я был хорошей ступенью. Разве не так?

— Ладно, — невпопад ответил я. — Вы уедете на Алтай. Но ведь все равно вы будете думать о нашем деле.

— Буду, — согласился Уно. — Мысли не отключишь, ты прав. Но дело сейчас не во мне.

Это уже обдуманно и бесповоротно решено, подумал я, ничего нельзя изменить, ничего. Я вдруг заметил, как мало огней внизу, в зданиях школьного городка. Не было света в окнах учебных корпусов, не горели огни спортивного комплекса и даже на улицах было темнее, чем обычно. Уедет Уно, потом распадется моя четверка, на Гродосе будет совсем пусто. Может быть, это и есть поражение. Я впервые подумал об этом, впервые услышал это слово: «Поражение» — и ощутил его горечь и тяжесть. В чем мы ошиблись? Почему мы ошиблись?

— Вы могли бы остаться на Гродосе, — сказал я, уже догадываясь, что ответит Уно.

— Нет, Илья. Ты должен рассчитывать только на себя. Тебе предстоит ломать то, что я строил... Или нагромоздил, не знаю уж, что точнее. Так или иначе ломать на этот раз придется не верхушки, а самый фундамент, основы теории.

— Будем ломать вдвоем.

— Вдвоем не получится. Я не вижу — что ломать. Если, создав теорию, не видишь, что в ней можно сломать и перестроить, — пора уходить.

— И я не вижу.

Уно рассмеялся:

— Ага, значит, ты думал об этом!..

Я пробормотал:

— Но это же нормально...

— Нормально, — согласился Уно. — Теория должна непрерывно обновляться. У тебя это получится, не сомневайся. Ты был занят своей четверкой и полагал, что Уно, как всегда, что-нибудь придумает. Не спорь... Я тоже рассчитывал: вот сделаю это, закончу то, освобожусь и спокойно поищу — что ломать. Раньше удавалось... На этот раз я упустил

время, Илья. Раньше я легко возвращался к самому началу, одним взглядом охватывал все сооружение, всю теорию, видел, где нужно ломать и как надо строить. Теперь я вижу только частности. Меня охватывает какой-то идиотский восторг: черт побери, в целом все здорово сделано!.. И мысль работает в одном направлении: это правильно и вот это тоже правильно, вообще все правильно... Прекрасная картина: все правильно, а четверки распадаются.

Он помолчал, потом сказал, усмехнувшись:

— Ладно. Закончим с ящиками. Ящики-то не виноваты... Тебе надо отдохнуть. Иди, у нас еще будет время поговорить. Сегодня ты будешь твердить только одно: «Почему? Почему?..» А нам надо решить множество конкретных вопросов. Иди, отдыхай. Я закажу катер на девять и предупрежу Улли. Вернешься, поговорим.

Я опустил на площадку. Щупальца спрута потянулись к тележке, уцепились за нее, легко стронули ее с места.

Дождя не было. Я отошел за край площадки и остановился. Спрут тянул тележку к лежащим поодаль ящикам. Тридцать два года назад Уно привел спрута на Гродос и начал строить школу. Сегодня он снова работает на спруте, хотя ящики мог собрать кто-нибудь другой. Он не ждал меня сегодня...

Я впервые понял, как тяжело было Уно эти тридцать два года. Не то, чтобы я раньше не знал этого или не думал об этом. Просто все, что делал Уно, воспринималось как нечто естественное: первооткрывателю всегда трудно. И только сейчас я почувствовал меру этой трудности, почувствовал, как это много — тридцать два года, в течение которых надо было в одиночку создавать теорию, считающуюся неосуществимой, и самому десятки раз ломать ее и перестраивать, год за годом быть наедине со своими сомнениями и при этом всегда оставаться тем Уно, которого знали в школе, — спокойным, организованным, потрясающе работоспособным, посвященным во все дела и затеи своих учеников, готовым всегда прийти на помощь...

И если Уно уходит, это не поражение. Он уходит непобежденным. Он вообще будет победителем, если я сделаю то, чего он ждет от меня. Смешно: я убеждал его в том, что он не уйдет от мыслей о деле... Уно может работать еще многие годы — и прекрасно знает это. Но он рассчитал время, когда должна начать работать вторая ступень. Рассчитал безошибочно: если я не потяну сейчас, через пять лет я и подавно ничего не сделаю.

В разрывах облаков появились звезды. Я прислушался: ветер доносил отдаленный шум прибора. Пахло морем и мокрыми листьями — осенний запах Гродоса. На Гродосе всегда пахнет морем: весной — морем и травой, летом — морем и водорослями, зимой — просто морем. Трудно представить, как Уно будет жить без моря. На Алтае велась недавно экологическая реконструкция, там теперь несколько крупных озер, но все-таки это не море.

Спрут погрузил ящики в тележку и, обходя лужи, повел ее к учебным корпусам. Он шел не спеша, как человек, уставший после тяжелой работы. Мерно раскачивались опущенные вниз щупальца.

4

Я встал в шесть и до прихода катера успел два часа повозиться на пирсе.

Котенок сидел на перилах пирса и смотрел, как я работаю. Воды он не боялся. Похоже, он вообще ничего не боялся.

— Слушай, — сказал я ему, — ты не собака? Ты мог бы признаться, ничего страшного в этом нет. Кошка с собачьим поведением, вот и все. А может быть, ты кошка с философским поведением? Слишком ты, брат, серьезен для своего возраста.

Он молчал и внимательно следил за мной. Вручную отремонтировать пирс — такую роскошь я редко мог себе позволить. Обычно время было расписано по минутам на много месяцев вперед. И в это утро — тоже. Но я все оставил и занялся пирсом. Два часа идеального душевного отдыха, когда все заботы, тревоги и сомнения постепенно отесняются простыми соображениями: надо сменить эти доски и, пожалуй, эти тоже, а здесь

достаточно вбить пять гвоздей, а вот тут дело посерьезнее — придется ставить новые сваи, новую балку и менять весь настил...

Катер появился точно в девять.

— Присматривай тут за порядком, — сказал я философскому котенку. — До вечера!

Времени хватило бы обогнуть, остров и заскочить к Уно, но на пульте управления были только две кнопки «пуск» и «стоп», а рядом висела медная табличка с напоминанием, что включать ручное управление можно лишь в таких-то и таких-то случаях. «Заскочить к Уно» в этом перечне не значилось.

Мы отошли от острова километра на три, когда раздался звонок видео, и я услышал голос Уно:

— Здравствуй, Илья.

Солнце било прямо в экран, я почти ничего не видел.

— Включи космотекс, канал А-3, — сказал Уно. — У тебя есть приемник?

Приемник у меня был. Маленький, совмещенный с диктофоном.

— А что там? — спросил я.

— Включи, увидишь.

Я включил приемник, и на экране тотчас появился силуэт человека на вершине серебристой горы. Это была эмблема института Лепаж. Дикторский баритон рассказывал про агентство. Ну вот, подумал я, началось.

Рискованно было отправлять туда Юну, очень рискованно.

— Передача начнется через полчаса, — сказал Уно. — Они три года не вели прямых передач.

— Мне вернуться?

— Нет, тебя будут ждать в ЦСП. Да и что с того, что ты вернешься?

Действительно, теперь ничего не изменишь.

— Ты не волнуйся, Илья. Посмотрим, что они там надумали. Может быть, это и не имеет отношения к Юне.

Нет, имеет, определенно имеет. Не случайно же Латавец так настойчиво просил прислать Юну. Именно Юну.

— Я сделаю запись с большого экрана, — сказал Уно и, помедлив, добавил: Да, вот что еще... Ночью звонил Хаген. Просил, чтобы ты срочно приехал.

Хайнц Хаген руководил биостанцией в Ливийской пустыне; у Хагена проходил практику Марат Волков.

— Что-нибудь с Маратом?

— Нет, не думаю. Во всяком случае ничего опасного.

Индекс фантазии у Марата был втрое выше нормы. Что может быть опаснее?..

— А Хаген? — спросил я.

— Что Хаген? Как обычно. Подпрыгивал, махал руками, фырчал... Они что-то открыли. «Имеется наивеличайшее открытие... Нечто наиколоссальное... Нечто наипотрясающее... Теперь все пойдет ко всем чертям...» В таком духе он изъяснялся минут пять — вот и весь разговор... От Эль-Хаммама идет новая линия спидвея, это быстрее, чем на реаплане. Конечно, сначала надо быть в ЦСП. Счастливого пути, Илья.

Все навалилось как-то сразу: и решение Уно, и практика на Короне, и вызов в ЦСП, и звонок Хагена, и передача агентства Лепаж... Многовато. А может быть, и нет. Как раз в норме. Уно жил так тридцать два года.

Я посмотрел на часы. До начала передачи оставалось двадцать восемь минут.

5

Агентство Лепаж возникло в конце XX века и в то время казалось предприятием весьма сомнительным. Все началось с того, что Жан Лепаж, молодой журналист с характером д'Артаньяна, написал несколько статей, предрекавших закат журналистики.

Профессиональный журналист, утверждал Лепаж, способен лишь пересказывать события, в которых он в лучшем случае был наблюдателем. С подлинной достоверностью о событиях могли бы рассказать их непосредственные участники, но они не владеют журналистским мастерством. Отсюда Лепаж делал вывод: нужно готовить специалистов, которые одновременно были бы и первоклассными журналистами. Вряд ли кто-нибудь обратил бы внимание на статьи Лепаж, если бы он не подкрепил свою теорию собственным примером. Феноменальный альпинист, Лепаж в одиночку поднялся на вершину Эвереста, а потом сделал фильм о восхождении. Это дало ему немало денег и, главное, известность. Нисколько не сомневаясь в своей теории, он открыл колледж, в котором обычный учебный курс был дополнен основами журналистики. Обучение велось бесплатно. Лепаж разъезжал по разным странам и отбирал способных учеников. Из колледжа они шли в лучшие университеты и институты, становились физиками, социологами, космонавтами, архитекторами, биологами — кем угодно, но не профессиональными журналистами.

Много лет агентство приносило только убытки. Лепажу пришлось повторить подъем на Эверест. Это была игра со смертью, потому что на этот раз Лепаж тащил на себе тяжелую аппаратуру и при восхождении вел телепередачу. Поднявшись, он отбил пиропатронами трехметровую глыбу, «верхушку» Эвереста, тщательно укутал ее тройным слоем полиола и столкнул вниз по ледяному склону. Скандал был грандиозный. Правительство Непала отдало приказ об аресте Лепаж, его исключили из международного альпинистского союза, газеты яростно обрушились на «человека, укравшего Эверест»... Тем временем Лепаж, продолжая свои телепередачи, медленно спускался с Эвереста; чем ниже, тем труднее было передвигать «верхушку» — она застревала в скалах, проваливалась в глубокие трещины, вязла в рыхлом снегу. Гравиаторов и силовых костюмов тогда не существовало. У Лепаж были блоки, веревки, крючья — пещерная техника. Десятки раз казалось, что уже ничего нельзя сделать, но Лепаж каким-то чудом находил выход из положения. Он не распространялся о трудностях, не жаловался, и в самый тяжелый момент мог не спеша показывать закат в горах или говорить о картинах Рериха. Передачи транслировались по космотексу, миллиарды людей день за днем смотрели, как идет спуск. Глубокой осенью Лепаж дотащил «верхушку» до базового лагеря. К этому времени он был самым популярным человеком на Земле. В лагере его ждал правительственный чиновник с дарственной грамотой на «верхушку»...

Шесть лет спустя Чарльз Кэрди, один из бывших учеников Лепаж, осуществил первую успешную пересадку мозга. Книга Кэрди, изданная агентством и переведенная на шестьдесят два языка, подтвердила, что затея Лепаж вполне реальна. А потом появились статьи генерала Луиса Кампора, руководителя партизанской борьбы в Испании, фильм зоопсихолога Александра Кухтина, установившего контакт с кальмарами, дневники математика Виджея Рата Шарма, создавшего теорию ДС-операций... Продукция агентства были невелика по объему: одна-две книги в год, считанные фильмы и совсем редкие прямые передачи, но каждая вещь становилась событием.

6

В вагоне спидвея, идущем на Кунгур, кроме меня, была только парочка парень и девушка в новенькой форме океанавтов. На улицах Польдии и на станции, спидвея все держали в руках приемники космотекса. Парочка в вагоне была исключением. Они уселись подальше от меня и принялись о чем-то шептаться.

Когда эмблема агентства сменилась на экране циферблатом секундомера, а потом появился Тадеуш Латавец — и не как-нибудь, а в модном тренировочном костюме вместо своей потертой кожаной куртки, — я почувствовал, что происходит что-то необычное. Латавец управлял агентством четверть века, за это время было шесть прямых передач, но сам Латавец ни разу не выступал по космотексу: комментатором он был никудышным.

Я снова подумал о Юне. Зачем она понадобилась агентству? Что она сейчас делает? Два месяца назад, отправив ее в учебный центр агентства, я настойчиво звонил туда и

пытался узнать, что затевает Латавец. Бесплезно! В агентстве обожали секретность.

Латавец сидел в своем кабинете, и за его спиной, на стене, висели портреты бывших учеников из первого выпуска Жана Лепаж — Чарльза Кэрди, Ло Фонга, Луиджи Бернарди, Зофьи Покорской, Роберта Кириллова, Яноша Земпени... Мы называли эти снимки иконостасом, фирменным иконостасом. Но фирма была солидная, и, что не менее важно, это был единственный наш союзник.

Узкому специалисту, даже владеющему журналистским мастерством, чаще всего не о чем рассказывать. Такой специалист имеет дело с крохотным кусочком проблемы, с какой-то одной ее микрогранью. Специалист по расчету фотопластовых элементов, специалист по технологии иридий-платиновых фотопластов, специалист по технологии металлоорганических фотопластов, специалист по монтажу трибосхем на фотопластах... И так далее. Два десятка специальностей, связанных с фотопластами и трибосхемами. Специалист, занимающийся металлоорганическими фотопластами, всю жизнь бьется над улучшением их характеристик и, если ему удастся, скажем, повысить термоустойчивость какого-то типа фотопластов на пять — десять процентов, становится признанным авторитетом в своей области. Но о гетерогенных трибокомплексах, в которых работают его фотопласты, он имеет лишь общее представление. А триботехнику в целом он, в сущности, просто не знает.

В агентстве видели, что непрерывно углубляющаяся специализация в конце концов сведет на нет исходную идею Жана Лепаж, и решили поддержать эксперимент Уно Хедлунда. «Ни черта у вас не выйдет, — сказал Тадеуш Латавец, подписывая договор. — Мир держится на специализации. Из ваших ребят получатся те же специалисты, только широкого профиля. Но нам этого достаточно».

Мы проходили практику в учебных центрах агентства: осваивая технику (там всегда была куча новинок), слушали курс мастерства, занимались на семинарах, Иногда на занятиях появлялся Латавец, высокий, массивный, невозмутимый, в старой кожаной куртке. Садился в сторонке, молча слушал, рассматривал нас маленькими прищуренными глазками. Потом доставал из кармана старинные часы на цепочке и, глядя на них, говорил: «Хватит на сегодня. Языки у вас, конечно, подвешены хорошо. Вы же такие, вы все умеете. Думаете, я не знаю, кто вылепил мою конную статую и установил это великое произведение искусства в конференц-зале?.. Ладно, берите снаряжение и отправляйтесь на остров Визе, на метеостанцию. Даю вам полчаса на сборы. По штату на станции семь человек, но вы же все умеете. Справитесь вчетвером. Через месяц назад. С фильмом...»

Агентство не ошиблось, заключая договор с Уно Хедлундом. Рой, например, мог бы хоть сегодня писать мемуары. Вот ведь парадокс: мы стремимся готовить универсалов, а получают специалисты. И какие специалисты! Как Рой Дэвис, пилот века. Все выпускники Уно Хедлунда на таком уровне. Если, разумеется, не считать меня: специальность с двадцатой категорией вероятной реальности нечто вполне призрачное.

— Мы начинаем прямую передачу, — сказал Латавец, поглядывая в сторону, туда, где, видимо, стоял его экран. Там уже что-то происходило, и Латавец, похоже, больше думал о происходящем, чем о своих функциях комментатора.

— Мы постараемся, — продолжал он, — показать вам архив Промышленной Лиги.

Добрались все-таки, подумал я. Но почему Латавец сказал: «постараемся» может быть, еще не добрались? Кто только не искал этот архив! Сколько раз казалось, что известно точное его местонахождение, и он вот-вот будет найден...

Во всяком случае, стало понятно, почему передачу ведет Латавец: у агентства с незапамятных времен были счеты с Промышленной Лигой. В свое время Лепаж каким-то путем добыл тайные документы Лиги и не побоялся их опубликовать. Трудно сказать, как ему удалось получить эти документы. Возможно, в самом руководстве Лиги был кто-то из его учеников, тут до сих пор нет ясности. Так или иначе документы оказались у Лепаж, и он их опубликовал. Через месяц его убили. Отработанная технология Лиги: выстрел из винтовки с оптическим прицелом, сержант полиции преследует и убивает убийцу, а через

неделю сам гибнет в автомобильной катастрофе... Агентство перешло в ведение международного союза журналистов, и Люсьен Видаль, новый директор, принял защитные меры: расположение учебных центров, списки учащихся, связи агентства с бывшими учениками — все было засекречено. Видаль продолжил публикацию документов; многие тогда поняли, что такое Лига и насколько опасны стоящие за ней финансово-промышленные комплексы. Историки считают, что именно тогда зародилось международное движение против Лиги. После боливийской трагедии Лигу, как известно, поставили под контроль ООН, а впоследствии вообще распустили. В агентстве, однако, и по сей день сохранились порядки, введенные Видалем. Уно рассказывал, что Латавец впервые появился на Гродосе с бригадой монтажников, собиравших стенд учебного гравиратора, и переговоры с Уно вел ночью, на вершине Сизой горы...

7

На экране был космос, свободное пространство. Промелькнул маленький Диск с яркой звездой в центре, и я прикинул: передачу ведут с дистанции примерно в пятьдесят астрономических единиц. События, которые мы сейчас увидим, произошли часов семь назад.

Многочисленные поисковые группы и по сей день ищут архив в джунглях Амазонки, в Антарктиде, на континентальных шельфах Атлантики и Тихого океана. Экспедиция ООН спускалась в кратер Везувия. Сколько тогда было шума... А архив оказался за пределами Солнечной системы. Ситуация была выигрышная, но Латавец ее не использовал. Он коротко объяснил, что архив находится на корабле, идущем по вытянутой орбите. Каждые семнадцать лет корабль приближается к Солнечной системе, доходит до орбиты Нептуна и снова возвращается в межзвездное пространство. «Сами увидите, — буркнул Латавец. — Передатчики установлены на беспилотных капсулах».

Будет драка, подумал я, корабль наверняка вооружен, а Латавец, конечно, не ограничится наблюдением со стороны. Корабль построен лет сто назад, в те времена знали толк в боевой технике и были поразительно изобретательны по части всяких военных хитростей. Если Латавец планирует захват архива, драка неизбежна. Нет, не мог Латавец втянуть Юну в эту историю, слишком велик риск. Да и нечего там Юне делать. Штурмовая группа должна состоять из специалистов по истории военной техники и операторов по демонтажу оборудования.

— Вот он, — тихо сказал Латавец.

С капсулы дали сильную подсветку, и корабль был виден так, словно его освещали яркие солнечные лучи.

Он был по-своему красив, этот старый корабль. Мы привыкли к нашим кораблям, с их многослойными, подвижными, причудливо изгибающимися полями, сквозь которые видны звезды. Мы привыкли к кораблям, похожим на ожившее венецианское стекло. Привыкли к мягкому зеленоватому ореолу гравиполя, вспыхивающему при перестройках корабля. А на экране был совсем иной корабль с резкими контурами, с отчетливо различной фактурой металла (видны были даже сварные швы), с четкими тенями от многочисленных выступов на длинном цилиндрическом корпусе. На высоких, похожих на мачты, опорах застыли черно-белые паруса антенн.

От корабля медленно отделилась серебристая капля, пошла куда-то в сторону, потом остановилась и словно замерла в пространстве.

— Торпеда, — хмыкнул Латавец. — По нашим данным, людей на корабле нет. Работает автоматика.

Видно было, как увеличиваются размеры светлого диска: торпеда быстро приближалась.

— Корабль напичкан такими игрушками, — сказал Латавец. — В общем, это не страшно. Хуже, что он заминирован.

Латавец нашел архив, но шансы добраться до документов были близки к нулю.

Автоматы будут защищать корабль до последней возможности, а потом уничтожат его. Агентству грозят серьезные неприятности. На планетах или в Диске все происходило бы под наблюдением множества авторитетных комиссий, и корабль по крайней мере взорвался бы в соответствии с правилами, инструкциями и наставлениями...

Торпеда резко рванулась вперед — и экран полыхнул белым пламенем. Это был ядерный взрыв, нам показали его со стороны, с борта другой капсулы. Зажглось взлохмаченное солнце, ослепительный свет мгновенно затопил небо, стер звезды...

Латавец шумно вздохнул.

— Видите, что происходит...

Он стал объяснять соответствующие статьи навигационного кодекса: «Агрессивные действия... корабль следует рассматривать как опасно управляемый или опасно запрограммированный объект... обязаны принять меры...»

Операцию вели по хорошо продуманному сценарию, это чувствовалось. Экспедиция агентства занимается киносъемкой в свободном пространстве — вполне законное дело. Происходит случайная встреча со старым кораблем; экспедиция подвергается атаке и вынуждена принять меры для обезвреживания агрессивного объекта — все в полном соответствии с законом. Космоинспекция и навигационный суд не смогут предъявить никаких обвинений.

Вот он, звездный час Тадеуша Латавца! Здесь, в вагоне спидвея, сидящая впереди меня парочка оживленно обсуждает что-то свое, но нетрудно представить, что сейчас творится на Земле, на планетах, в экосферах... Миллиарды людей смотрят передачу — как в лучшие времена легендарного Жана Лепажа. В архиве Промышленной Лиги ключи ко многим загадкам истории последних полутора веков. Вся правда о войнах, переворотах, убийствах, расизме, вся правда об изощренной эксплуатации, о механике наживы, о политиканстве, подкупах и демагогии, вся правда о днях, когда не раз стоял вопрос, быть или не быть цивилизации...

Латавец смотрел на свой экран (там был корабль, на этот раз съемку вели издалека) и, казалось, совершенно не думал о зрителях. Выглядело это вполне естественно, но я-то понимал, что хитрющий Латавец просто нашел выгодную для себя форму комментирования: идет работа, тут не до красноречия, если хотите пожалуйста, можете смотреть.

Только сейчас я заметил, что стена, на которой висел портретный иконостас, не плоская, а полукруглая. Латавец был не у себя в кабинете, а в космосе.

— Не отвечает на сигналы. — Латавец попытался изобразить огорчение. — Что тут поделаешь... Придется отправить туда... гм... представителя. В старину это называлось «десантом».

Он помолчал, давая возможность почувствовать остроту ситуации: кому-то предстояло добраться до корабля, стреляющего ядерными торпедами. Потом не спеша объяснил:

— Корабль уходит из Солнечной системы. Надо изменить его курс. Мы пошлем туда человека под прикрытием защитного поля. Капсула будет окружена свернутым полем. У нас тут случайно оказался подходящий генератор...

А если это Юна, подумал я, если именно ее и пошлют на корабль?

Латавец говорил о том, что экспедиция — опять-таки случайно! — располагает необходимыми запасами энергии, что их хватит на полную свертку поля и что благодаря этому капсула будет совершенно невидимой, но я не вслушивался в эту болтовню. Мне было не по себе от мысли, что Юне придется идти на такой риск. Я пытался убедить себя, что это не Юна, не обязательно Юна... Но с непреложностью математической теоремы получалось, что у Латавца просто не было, не могло быть иного выхода.

Расход энергии на создание свернутого поля зависит от замкнутой в этом поле массы. Нельзя замкнуть обычную капсулу, рассчитанную на трех пилотов. Не существует таких генераторов. У Латавца была единственная возможность: взять нестандартную капсулу, пилотируемую одним человеком, умеющим работать за троих. Достать капсулу с объединенным управлением нетрудно: лет тридцать сорок назад такие капсулы были в

каждом училище, тренировка на них входила в обязательную программу обучения. Потом усложнение техники и углубление специализации привели к тому, что нормой стали экипажи из трех человек. Но одиночные капсулы кое-где сохранились, я сам видел одну такую капсулу на Ганимеде.

Одиночная капсула и пилот, умеющий ее вести... Что ж, есть тысячи пилотов, умеющих управлять одиночками. Почему обязательно Юна?..

— Капсула пошла к кораблю, — удовлетворенно произнес Латавец. — Можете посмотреть, как это выглядит. Собственно, это никак не выглядит, капсула просто не видна, но именно это нам и нужно. Локаторы корабля бессильны... Через полторы-две минуты капсула будет у корабля.

На экране было звездное небо. Где-то там, на фоне бесконечных звезд, шла невидимая капсула, прикрытая силовым полем. Управление свернутыми силовыми полями — это отдельная специальность. Ориентация и навигация сквозь свернутые поля — еще одна специальность. Вот ведь что получается: чтобы пилотировать одиночную капсулу, спрятанную в свернутом поле, надо владеть пятью специальностями. По крайней мере пятью специальностями: кто знает, что придется делать на корабле. Какие уж тут сомнения. Конечно, это Юна, только Юна... Ничего теперь не изменишь.

Латавец основательно разработал операцию, и все-таки мне было не по себе: угнетающе действовало сознание полного бессилия. То, что я видел на экране, произошло шесть-семь часов назад и уже чем-то кончилось.

Рано или поздно наши ученики должны были принять участие в настоящем деле. Захват архива Промышленной Лиги — именно такое дело. Но почему Латавец, черт его побери, ничего нам не сказал?.. Я мог бы пойти сам. Я бы настаивал на этом, доказывал, спорил... Хотя, конечно, ребята должны справиться лучше: я слежу за их тренировками, а они тренируются — существенная разница.

Все они подготовлены лучше меня. Но Марата послать нельзя: слишком буйная у него фантазия; он ухитрился натворить что-то даже на тишайшей биостанции Хагена... Кит Карпендер? У парня задатки блестящего теоретика, но к практике он равнодушен. Внешне это пока никак не проявляется и все-таки... Нет, Кита тоже нельзя послать. Ларе Ульман? Что ж, он лидер четверки. Смел, надежен, удачлив... За все годы ни одной неудачи, ни одного поражения. Он не отступит, даже если надо будет отступить.

Значит, Латавец не ошибся, выбрав Юну. Хотя, как сказать... Есть психологический тест Эс-270, разработанный институтом в Сиднее. Это тест на прогнозируемость поведения в необычных ситуациях. Когда-то индекс по Эс-270 был у меня вдвое ниже нормы, и Хедлунд частенько на это жаловался. У Юны Эс-270 иногда равен нулю. И смены бывают резкие: вчера индекс был в норме, сегодня он у нуля...

На экране промелькнула довольная физиономия Латавца и тут же появился корабль: съемка велась с рук, оператор стоял на наружной поверхности корабля. Изображение дрожало и дергалось — камеру устанавливали на штатив. Что-то заслонило объектив, потом вспыхнул яркий луч осветителя. В нескольких шагах от камеры стоял человек в космическом скафандре. Зеркальное стекло шлема не позволяло разглядеть лицо человека. Теперь у меня не было сомнений, что это Юна. Есть шлемы с радиационной защитой, у них тоже зеркальные стекла. Но, судя по скафандру, это был обычный шлем; просто Латавец не хотел, чтобы видели десантника. О Гродосе мало кто знал, и Латавцу было бы трудно объяснить, почему он посылает девчонку на такое опасное дело.

Человек сделал несколько шагов в сторону и принялся устанавливать вторую камеру на подбежавший откуда-то автомат-паук. «По походке ничего нельзя было определить: походка искажалась магнитными ботинками. Но человек держался уверенно, словно уже не раз высаживался на старинные корабли. И я поймал себя на мысли: если это Юна, она не зря училась на Гродосе...

Медленно переставляя суставчатые ноги, паук пошел по обшивке корабля.

— Там всякое может быть, — сказал Латавец. — Мины... и прочие опасности. Автомат

осмотрит наружную поверхность корабля, десантник пойдет за автоматом.

Не знаю, кто управлял камерой, но съемка велась мастерски. Узкий луч света ощупывал титановую броню, покрытую оспинами и шрамами пылевой эрозии. Паук осторожно продвигался вслед за лучом, а вокруг — едва подсвеченные проступали контуры каких-то труб, поднимались вверх массивные основания антенн, огромными подковами возвышались швартовые скобы. Даже на моем маленьком экране были видны звезды, много звезд, и я вспомнил „Гамлета“ в театре на Релии. Звездное небо было там главной декорацией, а может быть и главным действующим лицом: яркое и тревожное небо Гамлета и тусклое, закопченное дымными факелами небо дворца. Все действие шло ночью, и хотя текст остался без изменений, у меня надолго сохранилось ощущение необычности.

Луч света уперся в гладкую полусферу, выступающую из обшивки корабля.

— Прекрасно, — сказал Латавец, — это нам и нужно. Защитный кожух антенн маневровой системы. Таких пузырей должно быть восемь или десять. Если их удастся вывести из строя, мы потянем корабль полями, и он не будет сопротивляться.

Паук обошел вокруг кожуха, постоял, словно в раздумье, и вдруг побежал куда-то в сторону.

— Что такое... — удивленно произнес Латавец. — Странно. Там шлюз... Люк шлюзового отсека открыт. Очень странно... На корабле не должно быть людей.

Ну вот, подумал я, первая неожиданность и притом опасная неожиданность: теперь Латавец захочет посмотреть — что там, внутри...

Паук поднял камеру. Он стоял метрах в двух от люка; было видно, что крышка не просто открыта, а сорвана взрывом. („Минутку, — поспешно сказал Латавец, надо кое-что уточнить.“) Обежав вокруг люка, паук остановился у крышки, потянулся к ней передними ножками. Вспыхнула электрическая дуга: паук приваривал крышку люка к корпусу корабля. Латавец сказал:

— Наш... гм... сотрудник приказал пауку закрепить крышку. Предки были хитры по части всяческих ловушек... Так, прекрасно. Теперь крышка не сдвинется с места.

Уцепившись за крышку люка, паук заглянул внутрь. На экране появился шлюзовой отсек — пустое помещение перед шлюзом. Схема по тем временам стандартная: люк открывается только изнутри корабля, а дверью в шлюз можно управлять и снаружи, из шлюзового отсека. Если это так, путь внутрь корабля открыт, хотя и непонятно, кто сорвал крышку люка.

Первоначальный план — вывести из строя маневровые антенны и потащить корабль силовыми полями — был еще где-то в пределах разумного риска. Но лезть без подготовки внутрь заминированного корабля — это уже чистое безумие. Зная Латавца, я склонен думать, что он с самого начала надеялся проникнуть в корабль. А тут — такая возможность: кто-то открыл люк шлюза...

На стене шлюзового отсека поблескивали кнопки, и паук, побегав по отсеку, решительно направился к ним. У кнопок (их было две, просто две кнопки на гладкой металлической панели — и больше ничего) он остановился и замер. Кровь стучала у меня в висках: вот сейчас произойдет непоправимое... Прошло несколько томительных долгих минут (паук не двигался), потом Латавец объяснил: „Извините, мы решили, что десантник должен на время уйти в капсулу. Не исключено, что шлюз открывается каким-то особым сигналом. Если сигнал не тот... мало ли что может произойти...“

Паук нажал кнопку, дверь шлюза медленно открылась. Ничего не случилось, Латавцу бешено везло, но я теперь решил: все, хватит, я никогда не буду посылать ребят к Латавцу.

Появилось изображение звездного неба: работала камера, установленная снаружи корабля.

— Паук не может вести передачу сквозь стены шлюза, — сказал Латавец. — Он вернется через несколько минут, посмотрим запись.

Я следил по часам: пять минут, семь, девять... Латавец буркнул:

— Подождем.

Паук выбрался на четырнадцатой минуте, вид у него был неважный: ноги передвигались рывками, на корпусе зияли дыры, камера шаталась. Латавец показал снятые пауком кадры: шлюз, открывается внутренняя дверь, паук проходит в тесное и пустое помещение, прилегающее к шлюзу, подходит к открытой двери („Там должен быть коридор“, — пояснил Латавец), переступает порог — и тут же выстрелы, паук отскакивает назад, валится на пол... Все это произошло быстро, минуты за две. Потом паук долго лежал, не двигаясь: система саморегенерации залатывала повреждения. Паук встал и, пошатываясь, направился к шлюзу.

— Пустяки, — бодро сказал Латавец. — Ловушка примитивная, что-нибудь придумаем.

В шлюзовой отсек спустился десантник, начал чинить паука. До этого у меня еще сохранялась смутная надежда, что Юну взяли только для консультаций и что десантник — кто-то другой, но теперь я видел; этот человек работает сам, без подсказок, вполне профессионально. Потребовалось всего четыре минуты, чтобы найти повреждения, перестроить и отрегулировать нейроцепи. Работа на уровне второго класса — у Юны и был второй класс по наладке нейроавтоматов. Можно, конечно, заранее подготовить какого-нибудь пилота к такой работе. Но это уже шестая специальность, нужны годы на подготовку...

Юна открыла входную дверь и принялась разбирать панель кнопочного управления. Латавец сначала удивился, потом (наверное, поговорив с Юной) объяснил:

— Там можно вывести антенну. Если это удастся, мы сможем постоянно поддерживать связь.

Это, конечно, удалось. Все шло удивительно гладко. Паук (он бегал как новенький) благополучно миновал шлюз, за пауком внутрь корабля проник десантник. Латавец вдруг стал многословным: похоже, он начал понимать опасность этой затеи.

Паук осторожно подобрался ко входу в коридор. Камера была теперь в руках у Юны. Некоторое время паук что-то внимательно высматривал в коридоре, потом из его туловища выдвинулось узкое дуло излучателя, голубоватый луч ударил в коридор, паук медленно повел лучом по стене.

— Мы ослепим систему обнаружения, — сказал Латавец и усмехнулся. Практично придумано, не так ли? „Мы...“ Латавец сидел в своем корабле, а я ехал в спидвее...

Поработав излучателем, паук юркнул в коридор. Выстрелов не было. Теперь я хорошо представлял дальнейшее: паук будет лазать по стенам и обезвреживать ослепленные точки. Ловушка ликвидирована, коридор удастся пройти... Но дальше будут новые ловушки; шансы на благополучный исход все еще малы, очень малы.

Паук появился минут через пять — целехонький и, если это можно сказать применительно к машине, ужасно довольный успехом: очень уж торжественно он вышагивал на своих тонких ножках...

Юна пошла к коридору — и тут же отпрянула назад. На экране мелькнул узкий, изгибающийся вправо коридор: шагах в десяти на полу лежали люди.

Латавец растерянно чертыхнулся.

— Там четыре человека... пять человек, — сказал он. — В старых скафандрах. Наверное, они и открыли люк. Кто-то пытался захватить корабль семнадцать лет назад, в прошлый его прилет. Или еще раньше. Ну вот... Они вошли в коридор. Ловушка сработала не сразу, вся группа была в коридоре... пулеметы изрешетили их в упор... Я не буду это показывать.

Он помолчал, потом упавшим голосом добавил:

— Мы ее отзовем.

Камера в руках Юны дрожала (на экране была видна только дверь шлюза). Юна плакала. Она умела управлять одиночной капсулой, знала навигацию в свернутых полях, могла чинить автоматы и делать еще множество вещей. Но ей было тринадцать лет — всего тринадцать лет! — и она никогда не видела людей, в упор расстрелянных пулеметами. Готовя захват корабля, Латавец, вероятно, предусмотрел тысячи вариантов, но разве мог он

предвидеть еще и такой вариант...

Юна плакала.

Она пыталась вытереть слезы сквозь стекло шлема; камера рывком поднималась вверх и опускалась.

Латавец догадался наконец переключить передачу на внешнюю камеру и с ненужными подробностями стал объяснять, как будут выведены из строя маневровые антенны и как потом можно будет изменить орбиту корабля...

8

Высокие березы со всех сторон окружали стеклянный купол выхода со станции. На голубоватом снегу ровными темно-синими полосами лежали тени берез. Я сидел на ступеньке лестницы. В трехстах метрах отсюда, на дороге, ждал кар, но мне не хотелось идти туда.

На снегу не было следов; кроме меня, никто не сошел на станции Кунгур-3. Я подумал, что это толковая идея — отвести дорогу подальше от станции, и что надо будет побывать здесь с ребятами: это должно быть потрясающее впечатление, когда после часа езды выходишь, поднимаешься — и вокруг могучий березовый лес и снег, и свет, и тишина. Вот только сейчас мне было не до этого.

Я включил приемник. Латавец что-то быстро говорил, а звук, как назло, не удавалось настроить. Я не сразу понял, что произошло.

Будь на месте Юны Кит Карпендер, Ларе Ульман или даже Марат Волков, я бы предвидел каждый их шаг. А тут...

Юна разрежала и сняла обшивку стены, там было полно начинки — нейроблоки, кабели энергосистемы, всевозможные коммуникации и куча всяких приборов, упрятанных туда для экономии места. Латавец (звука так и не было) что-то пытался объяснить, показывал чертежи корабля...

Юна нашла единственно верное решение. Сколько бы ни было ловушек на корабле, их ставили в расчете на то, что люди будут идти по коридорам (где же еще им идти?). Юна шла в стене, разбирая блоки оборудования внутри стены и снова собирая их за собой.

Абсолютно безопасный путь. Если, конечно, умеешь разбирать и собирать любой блок корабля — энергетический, навигационный, экологический...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)